

The 4th Symphony of the IRMO (November 27) was a jubilee concert and was therefore given due pomp. Works by living Conservatory laureates Messrs. Taneyev, Rachmaninoff, and Scriabin were performed. Taneyev's cantata "John of Damascus," dedicated to the memory of N. G. Rubinstein, was a memorial cantata, and thus served as a kind of "civic requiem" for the man whose name was on the lips of all musicians these days. The cantata, with the participation of the choirs of the Bolshoi Theater and the Choral Society under the direction of Mr. Cooper, was very well received. Only Mr. Cooper was overly nervous that day, abusing fortissimo and, as the expression goes, conducting "molto gesticulato." This nervousness was also expressed, among other things, in the excessively fast tempo of Scriabin's "Divine Poem," which once again produced a mixed impression of power, talent, and... anguish that ruins the aesthetic appeal of the overall performance. The audience vigorously evoked the composers of the cantata and symphony, giving a thunderous ovation to the third hero of the evening, Rachmaninoff, who played his third piano concerto in D minor. And from this symphonic meeting of the IRMO, the morning of the Circle of Russian Music Lovers held the next day, dedicated to the works of Rachmaninoff.

His works (The Cliff, the 2nd Symphony, and the 3rd Piano Concerto) demonstrated his popularity as a composer and a pianist. And truly, the D minor concerto deserves applause! The wonderful lyrical themes of the first movement, the somewhat unclear in form, but most beautiful Larghetto, and the brilliant, effective finale, where the power and interest of the piano parts are not inferior to the tutti! And the composer himself performs this most difficult concerto with such a beautiful sound, easily, freely, effortlessly, and so convincingly that it seems no other interpretations are possible. One can safely say that no one can play this concerto better than Rachmaninoff himself! As an encore, Rachmaninoff performed his new, as yet unpublished prelude (in G major), a wonderfully sounding, lovely piece.

The aforementioned morning of the Circle of Russian Music Lovers was the hundredth and therefore a jubilee. The founding members of the Circle, performers, and the director and founder of the Circle, Art. Mikh. Kerzin, with his wife, took to the stage. To the enthusiastic applause of the visiting members, several addresses were read, noting the role of the Circle in disseminating Russian chamber literature and the energy of the Kerzins, and a number of telegrams. One cannot deny the truly outstanding services of the Circle in promoting Russian romance and even in disseminating the works of such a now famous composer as Skryabin.

When the general public was almost unfamiliar with the name of Scriabin, his piano works were often performed at the Circle's gatherings. The final concert was conducted by Mr.

Cooper, who performed the program well, especially the second movement of Rachmaninoff's symphony (scherzo).

Gr. Prokofiev

[Translation: Google]

IV симфон. собр. ИРМО (27 ноября), вышло юбилейнымъ и потому было обставлено съ подобающей пышностью. Исполнялись произведенія нынѣ живущихъ лауреатовъ Консерваторіи гг. Танѣева, Рахманинова и Скрябина. Кантата «Іоаннъ Дамаскинъ» Танѣева посвящена памяти Н. Г. Рубинштейна, носить характеръ поминальной кантаты и такимъ образомъ вышла какъ бы «гражданской панихидой» и по тому, чье имя было всѣ эти дни на устахъ у всѣхъ музыкантовъ. Кантата прошла при участіи хоровъ Большого театра и Хорового Общества подъ управл. г. Купера очень хорошо. Только г. Куперъ въ этотъ день слишкомъ волновался, зло-употребляя fortissimo и по удачному

выраже-нію дирижироваль «мольто жестикулято». Это волненіе выразилось, между прочимъ, и въ слишкомъ быстромъ темпѣ «Божественной поэмы» Скрябина, произведшей и на этотъ разъ смѣшанное впечатлѣніе силы, таланта и... надрыва, который разрушаетъ эстетич-ность общаго впечатлѣнія. Авторъ кантаты и симфоніи усиленно вызвала публика, устроившая бурную овацію по адресу третьяго героя вечера-Рахманинова, сыгравшаго свой третій d-moll'ный концертъ для ф-но. И это симфоническое собраніе ИРМО и состоявшееся на другой день утро Кружка Любителей рус-ской музыки, посв. произведеніямъ Рахмани- нова («Утесъ», 2-ая симфонія и 3-ій концертъ для фортепьяно), показали какой популяр-ностью пользуется онъ, какъ композиторъ и пьянистъ. И въ самомъ дѣлѣ d-moll'ному концерту нельзя не апплодировать! Чудесныя лирическія темы первой части, нѣсколько неясное по формѣ, но красивѣйшее Larghetto и блестящій, эффектный финаль, гдѣ мощь и интересъ фортепьянной партіи не уступаетъ tutti! И при томъ самъ авторъ исполняеті, этотъ труднѣйшій концертъ съ такимъ кра-сивымъ звукомъ, легко, свободно, непринуж-денно и такъ убѣдительно, что кажется, ни-какихъ иныхъ интерпретацій и быть не мо-жетъ. Можно смѣло сказать, что лучше самого Рахманинова никто этотъ концертъ не сыг-раетъ! На bis Рахманиновъ исполнялъ свою новую еще не напечатанную прелюдію (g-dur) отлично звучащую, милую вещицу.

Выше упомянутое утро Кружка Любите-лей русской музыки было сотымъ и поэтому юбилейнымъ. На эстраду вышли члены учре-дители Кружка, исполнители и руководитель и основатель Кружка Арт. Мих. Керзинъ со своей супругой. При дружныхъ апплодисмен членовъ-посѣтителей было прочтено нѣсколько адресовъ, отмѣчавшихъ роль кружка въ дѣлѣ распространенія русской камерной литературы и энергію супруговъ Керзиныхъ, и рядъ телеграммъ. Нельзя отрицать дѣйстви-тельно выдающіяся заслуги Кружка и въ дѣлѣ пропаганды русскаго романса и даже въ дѣлѣ распространенія произведеній такого нынѣ знаменитаго композитора, какъ Скря бинъ. Когда широкая публика была почти незнакома съ именемъ Скрябина, его форте-пьянныя вещи не разъ исполнялись въ соб-раніяхъ Кружка. Отчетный концертъ про-шелъ подъ упр. г. Купера, хорошо провел-шаго программу и особенно 2-ю часть симфо-ніи Рахманинова (scherzo).

Гр. Пр.